И. В. ФЕДОТОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ **MESTI*, **MĘSTI* И **MĘTI* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

С исторической точки зрения лексика представляет собой систему этимологических гнёзд. Основные объекты исследования в этимологии — это отдельные слова и различные лексические группы в их исторических изменениях. «Именно непрерывное уточнение состава этимологических гнёзд и углубление понимания системных отношений внутри гнёзд и между гнёздами составляют основную и непосредственную задачу всей научной этимологии в целом» [Мельничук 1969: 58]. Поэтому необходимым аспектом исследования является разграничение лексики отдельных этимологических гнёзд на разных хронологических уровнях.

Более полувека назад теоретик этимологии Я. Малкиел отметил, что в истории языка смешение этимологических гнёзд достаточно типично, см. [Malkiel 1954]. Развивая эту идею, Ж. Ж. Варбот предложила классификацию типов взаимодействия гнёзд в зависимости от этапов и степени обоюдного влияния. Согласно её наблюдениям, «наиболее существенным условием для взаимодействия гнёзд является формальное (а не семантическое) подобие», но результатом взаимодействия является и формальное, и семантическое сближение [Варбот 2003: 61].

В славянской этимологии, особенно в этимологических словарях славянских языков, неоднократно ставился, но до сих пор остается спорным вопрос о соотношении глаголов **mesti*, **metǫ* и **męsti*, *mętǫ*. Внимание к этой группе гнёзд оправдано их структурной близостью (одинаковое консонантное оформление корня и, в истории отдельных славянских языков, совпадение рефлексов **e* и **ę*) и наблюдаемыми фактами их семантического сближения.

О. Н. Трубачев считал, что отношения между индоевропейскими корнями **ment-*/**met-*, представленные в слав. **męsti*, **mętǫ*/**mesti*, **metǫ*, по-

---

Идалия Вячеславовна Федотова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, (Москва).

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №13-04-00221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика».

добны отношениям индоевропейских корней **kret-/*krent-*, представленных в слав. **kręt-ati/*krǫt-iti — *kreslo/*krosno* [ЭССЯ 19: 12—13].

Коллектив авторов чешского «Этимологического словаря старославянского языка» предлагает иную трактовку происхождения корня, представленного в глаголе **męsti*, **mętetъ* ‘спутывать, путать’. В роли производящей основы для него выступает **męti*, **mьnǫ*, то есть **męs*(*ti*) являет собой индоевропейский корень **men*(*H*)- ‘мять’ с детерминантом [ESJS: 474—475]. Таким образом, к паронимическим глаголам **męsti* и **mesti* примыкает и глагол **męti*, **mьnǫ*.

Что касается новейших трактовок соотношения этих глаголов, то А. Лома предположил, что **mesti* и **męsti* на праславянском уровне представляли собой один глагол, с инфинитивом **mesti* и двумя основами презенса: **metǫ* и с назальным инфиксом **mętǫ* [Лома 2010: 286]. В дополнение к материалам сербского учёного можно также присоединить в.-луж. *mjasć* ‘drücken, quetschen’ [Pfuhl: 363], которое отнесено О. Н. Трубачевым к прасл. **męsti* см. [ЭССЯ 19: 12—13]. В данном случае примечательно сочетание формы одного гнезда и семантики другого (‘мять, давить, жать’). Согласно Ж. Ж. Варбот, «в подобных случаях уже можно видеть взаимодействие гнёзд» [Варбот 2003: 58], а не единичное ассоциативное преобразование слова.

Представляется, что есть материалы из истории и диалектов русского языка, которые позволяют думать о разнонаправленном взаимодействии гнёзд, восходящих к прасл. **mesti*, **męsti*, **męti*.

На уровне древнерусского языка в рассматриваемом отношении существенно русск.-цслав. матати ‘бросать’ [Срезн. II: 258], в котором исследователи видят «тематизацию на *-a-ti* основы глагола **mętǫ*, **męsti*» [ЭССЯ 19: 16] при семантике, свойственной гнезду **met-ati.*

Теперь перейдем к рассмотрению русского диалектного материала, являющегося показательным в плане взаимоотношений гнёзд. Следует, однако, иметь в виду специфику фонетики русских северных говоров (переход *а* в *е* в позиции между мягкими согласными) и с осторожностью анализировать материал, в котором наблюдается появление [е] на месте [’а]. Говорить о взаимодействии гнёзд можно с большей уверенностью, исследуя лексемы с корневым [’а] на месте исконного [е].

мятéль

Русскому литературному языку известно слово *метéль* ‘сильный ветер со снегом, вьюга’, со словарной пометой «с иным (устар.) напис.: *мятéль*» [БАС 10: 125]. Это слово впервые зафиксировано в форме старорус. *метель* в XVII в. [СлРЯ XI—XVII вв. 9: 126], известно оно и другим славянским языкам.

Согласно общепринятому мнению, *метéль* возводится к *местú,* см. [ЭССЯ 18: 117—118], что находит подтверждение во фразеологии: *вьюга,*

метель и т. п. *метёт* [БАС 10: 99], *федоты-памёты* ‘день, который обычно бывает с пургой, метелью’ [Селигер 5: 14].

О происхождении слова *мяте́ль* нет единого мнения: одни исследователи не считали его отражением древнего **ę* [ЭССЯ 18: 117], в то время как А. Лома согласен с праславянской реконструкцией Э. Бернекера **męteljь* [Лома 2010: 286], возводимого к *męto*, *męsti*. Сомнения вызывает распространенность *мятель* именно в акающих говорах в безударном положении (перм. *мяте́лица*, *мятелу́га* ‘снегопад с ветром, метель’ [СРНГ 19: 90], перм., твер., моск. *мяте́ль* ‘снегопад с ветром, метель’ [СРНГ 19: 90]). Однако в синонимах встречается и ударное *а*: моск. *мя́тица* ‘снегопад’ [СРНГ 19: 91]. Другое значение этого слова в диалектах — *мя́тица* ‘шум, гам, суета’ (ср. литер. *сумятица*) [СРНГ 19: 91] — М. Фасмер возводит к *мяту, мясти* [Фасмер III: 32]. Возникновение ударного *а* на месте этимологического *е* в том же корне наблюдается в выражении *мя́тью мета́ться* ‘беспорядочно, суетливо двигаться, бросаться туда-сюда’ [Русск. гов. Беломорья: 217] (*Сын зауежжа́л, а собака, это мя́тью ме́четсэ, дак любого лося поса́дит*) при существовании закономерного *ме́тью, всей ме́тью, как ме́тью, на всю меть* ‘быстро, стремительно’ [СРГК III: 235].

В пользу реконструкции **męteljь* < *męto*, *męsti* свидетельствует ст.-слав. *męto*, *męsti sę*, которое Э. Бернекер толкует через греч. χειμάζεσθαι ‘(о буре) метать, бросать, кидать, волновать, усиливаться’ [Berneker 2: 44]

Нельзя исключить также влияние гнезда **męti*, **mьn-o* на слово **meteljь*.

Примечательно, что упомянутое выше русск. диал. (моск.) *мя́тица* ‘снегопад с ветром, метель’, (пск., твер.) ‘шум, гам, суета’, (арх.) ‘мялка для льна, конопли’ [СРНГ 19: 91] О. Н. Трубачев считал «производным на *-ica*, соотносительным с **męti*, **mьno* и **męsti*, **męto* (ср. особенно знач. ‘снегопад с ветром, метель’)» [ЭССЯ 19: 19]. Метель как природное явление сопровождается взбиванием, перемешиванием, «смятением», и эти семантические компоненты формируют значение глагола **męsti*, **męto*. Так, фразеологизм *кутить и мутить* имеет значение ‘кружить, крутить (о вьюге, метели и т. п.)’ [МАС II: 156, с пометой «обл.»], при этом глагол *мутить* являет собой аблаутную ступень корня, соотносимого с **męsti*.

Итак, есть семантические основания для производности **męteljь* от **męto*, **męsti sę*. Но ввиду существования параллельных форм с **е* и **ę* в корне необходимо определить, какая из основ первична. Скорее всего, формы с **ę* вторичны и представляют собой результат влияния формы одного гнезда на другое на основе сближения и формы, и семантики.

мяти́ще

Рус. диал. (Карелия) *мяти́ще* ‘основание зарода’ (*У стога — подонье, у зарода — позародье, мяти́ще*) [СРГК III: 287] по своей структуре представляет собой отглагольное существительное с суффиксом *-ище* (*заро́д*

‘скирд, стог сена, соломы или снопов (обычно большого размера), удлиненной формы и разделенный кольями на секции-промежки’ [СРНГ 10: 386]).

Наряду с корневым [’*а*], представленным в *мяти́ще*, встречается корневое [’*е*]: рус. диал. (Карелия) *ме́тище* ‘подстилка из палок, сучьев, на которую ставится стог’, ‘место под стогом’. Ценную информацию исследователю сообщает контекст, будто бы раскрывающий внутреннюю форму слова: *Нет жёрдочек, дак в старое ме́тище будем метать*. [СРГК III: 234].

Существуют однокоренные синонимы со сходной структурой — *ме́танище* ‘место стогования сена’ [СРГК III: 232] и *мётовище* ‘место стогования сена’ [СРГК III: 235].

Этот иллюстративный материал подкрепляет предположение о том, что мотивацией слов *мяти́ще* и *ме́тище* является словосочетание *мета́ть стог, копны* ‘кидая, складывать, укладывать (сено, солому)’ [БАС 10: 119]. Проблематично в этом случае корневое [’*а*]. Существенно, что аналогичные варианты с корневым [*е*] и с идентичным лексическим значением фиксируются на одной территории.

Так, известно арханг. *мяти́ще* ‘ставная крупноячеистая сеть, которой окружают стадо тюленей в море’ [СРНГ 19: 91] наряду с арханг. *мети́ще* ‘рыболовная сеть с большими ячеями’, тобол. *мети́ще* ‘место подледного лова рыбы на Иртыше’ [СРНГ 18: 138], рус. диал. (Карелия) *мети́ще́* ‘снасть для ловли нерп’ (*Зверей еще ловят, тюленей, осенью нерп ловят, в метища́ ловят, така снастина редка, на лодке перевозят*) [СРГК III: 234]. С уверенностью можно предположить, что эти слова являются производными от широко известного в литературном языке и диалектах глагола *мета́ть* в его значении ‘бросать, кидать; опускать за борт, бросать в воду (о рыболовных снастях)’ [БАС 10: 119; СРНГ 18: 135], рус. диал. (Якутия) *метать сети* ‘ставить сети’ [СРНГ 18: 135], литер. и диал. *мета́ть не́вод* ‘забрасывать невод’ [БАС 10: 119; СРНГ 18: 135]. Существует синоним, производный от того же корня — диал. арх., забайк. (Бурятия) *омёт* ‘сеть для ловли рыбы’ и томск. *омёт* ‘ловушка на соболя в виде сети’ [СРНГ 23: 200].

Суффикс *-ище* является формантом для образования существительных от существительных, в том числе и отглагольных: *ржище*, *овсище*, *клеверище*, *стрельбище*, *пастбище* [РГ-80: § 351]. В диалектах засвидетельствованы отглагольные существительные *мёт* ‘метание, бросание чего-л.’ [СРНГ 18: 133] и *мётка* ‘стогование сена’, ‘время стогования’, ‘укладка сена, рассчитанная для корма скота в течение всей зимы’, ‘погрузка навоза на повозку’ [СРГК, III: 234]. Вероятно, между *мета́ть* и *мети́ще* есть существительное **мет*, хотя не исключено непосредственное образование с помощью суффикса *-ище* от глагола (*мети́ще* < *мета́ть*), как в рус. литер. *скопище*, рус. диал. (арх.) *омо́чище*, *ерепе́нище*, *пла́ки́ще* (sic), *спи́ще* [ОСАГ: 128—129].

Ввиду сказанного нуждается в уточнении приведенное в «Этимологическом словаре славянских языков» толкование слова *мяти́ще*: арх. *мяти́ще* ‘ставная, с крупными около фута в квадрате ячеями, сеть для обхва-

тывания в море тюленьего юрова, — длиною в 10, а шириною в 4 сажени' истолковано как производное с суф. *-išče* от глаг. **męti, tьnǫ* [ЭССЯ 19: 20] (более полное описание реалии см. в [Подвысоцкий: 95]). По этому этимологическому толкованию не получает объяснения *-t-* и не ясно семантические развитие от 'мять' к 'сеть'. Параллельность словообразовательной структуры у слов *мети́ще* / *мяти́ще* говорит скорее о том, что последнее — результат преобразования *мети́ще* под влиянием ассоциаций с *мять*. Фонетическое объяснение появления [*'а*] на месте [*е*] маловероятно: территория Беломорского р-на Карелии и Архангельской области не входит в ареал распространения «заонежского яканья» — фонетически обусловленного явления, описанного В. В. Колесовым, см. [Колесов 1975].

мя́ты

Интересно в этимологическом отношении существительное пск. *мя́ты* 'жерди, которыми скрепляют стог сена' [СРНГ 19: 92], зафиксированное только в форме множественного числа.

Существуют синонимы этого слова, образованные от корня *-мет-*: рус. диал. (олон., новг., твер.) *обме́тина, обмё́тина* 'жердь, прут, которыми прижимают стог сена' [СРНГ 22: 127] и (новг., пск., твер., ленингр.) *оме́тина*, *омё́тина* 'палка или прут на верху стога сена (чтобы сено не сносило ветром)': *Сейчас омё́тины положим на верх, хрест-нахрест* [СРНГ 23: 200—201], (Карелия) *мети́на* 'груз, который кладется на вершине стога для защиты от ветра' [СРГК III: 234]. Довольно очевидной кажется связь с упомянутым выше словосочетанием *мета́ть стог, копны* 'кидая, складывать, укладывать (сено, солому)' [БАС 10: 119]. От этого корня также произведено слово *омёт* 'стог, укладываемый без жердей' [СРГК IV: 199], *обмёт* 'незавершенный стог', 'копна' [СРГК IV: 91], *обме́тье* 'ветки, укладываемые поверх стога' [СРГК IV: 91].

О связи обозначения жердей с глаголом *метать* ранее писал С. А. Мызников: «Наиболее частотны слова с корнем *мет-* / *мёт-*, отмечаемые в Поволховье, Приладожье, Приильменье, в ловатских, гдовских говорах. Вероятно, первоначально данный материал был связан со словом *омёт* 'стог сена', в дальнейшем потерял связь с мотивирующей лексемой и стал непосредственно связываться с первообразующим глаголом *метать* (и для слов *омёт*)» [Атлас субстр. лексики: 147]. В свете изложенных фактов представляется оправданным предположить, что *мя́ты* — это преобразованное **ме́ты* под влиянием *мять*. Вероятно, ассоциация возникла в связи с функцией жердей, так как они приминают сено.

Приведенный материал свидетельствует о семантическом сближении и ассоциативном влиянии производных от глаголов *мять, мясти* и *мести*, начавшемся уже на праславянском уровне. Представляется, что необяза-

тельно принимать точку зрения А. Ломы, предположившего (с опорой на русский материал) существование двух основ презенса для праславянского **mesti*, так как в русских диалектах не единичны случаи влияния назализованных основ (**mę-*, **męt-*) на неназализованные.

Литература

Атлас субстр. лексики — С. А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

БАС — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1—9. М., СПб, 2004—2007.

Варбот 2003 — Ж. Ж. Варбот. К типологии взаимодействия этимологических гнезд // Studia etymologica Brunensia 2. Praha, 2003. С. 57—62.

Колесов 1975 — В. В. Колесов. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53—59.

Лома 2010 — А. Лома. Праиндоевропски глагол и словенска етимологија // Јужнословенски филолог LXVI. Београд, 2010. С. 283—295.

МАС —Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961.

Мельничук 1969 — А. С. Мельничук. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология 1967. М., 1969. С. 57—67.

ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.

Подвысоцкий — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом представлении. СПб., 1885.

РГ-80 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 тт. Т. I. М., 1980.

Русск. гов. Беломорья — С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1—5. СПб., 2003—2013.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1—6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М., 1958 (=1893).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—44). Л., СПб., 1966—2011.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. Т. 1—4. М., 2004.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—). Вып. 1—38—. М., 1974—2012.

Berneker — E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová (sv. 1—6), A. Erhart (sv. 6—12), I. Janyšková Praha, 1989—.

Malkiel 1954 — Y. M a l k i e l. Etymology and the structure of word families // Word, V. 10, № 2—3, 1954. P. 265—274.

Pfuhl — D r. P f u h l. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

R e f e r e n c e s

Atlas substr. leksiki — S. A. M y z n i k o v. Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada. Sankt-Peterburg, 2003.

BAS — Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka / Gl. red. K. S. Gorbachevich. T. 1—9. Moskva, Sankt-Peterburg, 2004—2007.

Berneker — E. B e r n e k e r. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová (sv. 1—6), A. Erhart (sv. 6—12), I. Janyšková Praha, 1989—.

ESSYa — Etimologicheskiy slovar slavyanskikh yazykov / Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1—31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32—). Vyp. 1—38—. Moskva, 1974—2012.

Fasmer — M. F a s m e r. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 4-e izd. T. 1—4. Moskva, 2004.

Kolesov 1975 — V. V. K o l e s o v. Foneticheskiye usloviya zaonezhskogo «yakanya» // Russkiye govory. K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki. Moskva, 1975. S. 53—59.

Loma 2010 — A. L o m a. Praindoyevropski glagol i slovenska yetimologija // Juzhnoslovenski filolog LXVI. Beograd, 2010. S. 283—295.

Malkiel 1954 — Y. M a l k i e l. Etymology and the structure of word families // Word, V. 10, № 2—3, 1954. P. 265—274.

MAS — Slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Moskva, 1957—1961.

Melnichuk 1969 — A. S. M e l n i c h u k. Ob odnom iz vazhnykh vidov etimologicheskikh issledovaniy // Etimologiya 1967. Moskva, 1969. S. 57—67.

OSAG — Obratnyy slovar arkhangelskikh govorov / Pod red. O. G. Gecovoy. Moskva, 2006.

Pfuhl — Dr. P f u h l. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Podvysockiy — A. P o d v y s o c k i y. Slovar oblastnogo arkhangelskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom predstavlenii. Sankt-Peterburg, 1885.

RG-80 — Russkaya grammatika / Gl. red. N. Yu. Shvedova. V 2 tt. T. I. Moskva, 1980.

Russk. gov. Belomorya — S. A. M y z n i k o v. Russkiye govory Belomorya. Materialy dlya slovarya. Sankt-Peterburg, 2010.

Seliger — Seliger. Materialy po russkoy dialektologii: Slovar / Pod red. A. S. Gerda. Vyp. 1—5. Sankt-Peterburg, 2003—2013.

SlRYa XI—XVII vv. — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 1—29. Moskva, 1975—2011.

Srezn. — I. I. S r e z n e v s k i y. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 1—3. Moskva, 1958 (=1893).

SRGK — Slovar russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey. T. 1—6 / Gl. red. A. S. Gerd. Sankt-Peterburg, 1994—2005.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F. P. Filin (vyp. 1—23), F. P. Sorokoletov (vyp. 24—44). Leningrad, Sankt-Peterburg, 1966—2011.

Varbot 2003 — Zh. Zh. V a r b o t. K tipologii vzaimodeystviya etimologicheskikh gnezd // Studia etymologica Brunensia 2. Praha, 2003. S. 57—62.

Резюме

В данной статье рассматриваются случаи формального и семантического взаимовлияния этимологических гнёзд на примере русской лексики, относимой к гнёздам праславянских глаголов **mesti*, **męsti* и **męti*. Наблюдения позволяют установить, что взаимодействие гнёзд началось ещё в праславянскую эпоху. Также сделаны выводы о направлении и условиях взаимовлияния гнёзд в истории русского языка и предложены уточнения существующих этимологических версий конкретных слов.

Ключевые слова: этимологические гнезда, ассоциативное преобразование слова, семантическое сближение.

IDALIA V. FEDOTOVA

SOME CASES OF INTERFERENCE AMONG DERIVATIVES OF PROTO-SLAVIC VERBS *MESTI, *MĘSTI AND *MĘTI IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This paper considers some cases of interference on the basis of form and semantics, as in Russian words ultimately related to Proto-Slavic verbs **mesti*, **męsti* and **męti*. The interference is shown to have started as early as in the Proto-Slavic period. Also, several conclusions are drawn regarding the direction and conditions of these instances of interference in word families in the history of the Russian language, necessitating some amendments to the existing etymological versions of specific words.

Keywords: etymological word families, associative word transformation, semantic convergence, proto-Slavic verbs.

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2

Vinogradov Institute of Russian Language,
Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Статья поступила 17.04.2013

Received on 17.04.2013